

УДК 821.161.1 Лесков

DOI 10.30914/2072-6783-2025-19-2-269-274

ИЗОБРАЖЕНИЕ МОНАСТЫРСКОГО БЫТА В РАССКАЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА «ТАИНСТВЕННЫЕ ПРЕДВЕСТИЯ»

Н. Н. Старыгина, И. К. Давыдова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Изучение лесковского вещного мира – одна из основных проблем лесковедения, так как писатель внимателен к материальным реалиям действительности и колоритен в их отображении в художественном тексте. Образы вещей в произведениях Лескова многофункциональны. Образы вещей являются важнейшим способом художественного изображения сословного социокультурного пространства. Авторами впервые подчеркивается необходимость изучения данной темы в качестве самостоятельной и значимой для современного лесковедения. **Цель** – охарактеризовать содержание и поэтику образа вещного мира в рассказе «Таинственные предвестия». **Материалы и методы.** Основными методологическими принципами исследования являются историзм, объективность, комплексность и системность. Используется метод аналитического изучения источников. Комплексный подход к изучению заявленной темы обусловил использование социокультурологических, исторических, собственно филологических методов анализа художественных произведений. Основными методами анализа художественных текстов являются структурно-семантический, структурно-функциональный, сравнительно-исторический. Также реализуется методика комментирования текстов. **Результаты исследования, обсуждения.** Авторами предложено определение понятия «вещный мир», уточнено содержание понятия «вещь»; выявлены механизмы символизации образа действительности и образа вещи, создания образа повседневности; подтверждена продуктивность применения комплексного подхода к изучению художественных явлений.

Ключевые слова: вещный мир, вещь, быт, монастырский быт, монашеский быт

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Старыгина Н. Н., Давыдова И. К. Изображение монастырского быта в рассказе Н. С. Лескова «Таинственные предвестия» // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19. № 2. С. 269–274. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-2-269-274>

THE IMAGE OF MONASTIC LIFE IN THE STORY WRITTEN BY N.S. LESKOV «THE MYSTERIOUS PORTNS»

N. N. Starygina, I. K. Davydova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. Introduction. The study of Leskov's material world is one of the main problems of Leskov studies, since Leskov himself is attentive to the material realities of reality and colorful in their display in the artistic text. Despite this, the material world of Leskov's works has not been sufficiently studied. The authors for the first time emphasize the need to study this topic as an independent and significant one for modern Leskov studies. **The goal** is to reveal the content of the image of the material world in the story “Mysterious Portents”. **Materials and methods.** The main methodological principles of the study are historicism, objectivity, complexity and consistency. The method of analytical study of sources is used. An integrated approach to the study of the stated topic determined the use of socio-cultural, historical, and philological methods of analyzing works of art. The main methods of analyzing literary texts are structural-semantic, structural-functional, and comparative-historical. The technique of commenting on texts is also implemented. **Research results, discussions.** The authors proposed a definition of the concept of “material world”, clarified the content of the concept of “thing”; revealed the mechanisms of symbolizing the image of reality and the image of a thing, creating an image of everyday life; confirmed the productivity of using an integrated approach to the study of artistic phenomena.

Keywords: material world, thing, everyday life, monastic life, monastic life

The author declares no conflict of interest.

For citation: Starygina N. N., Davydova I. K. The image of monastery life in the story written by N. S. Leskov's story "The mysterious portns". *Vestnik of the Mari State University*, 2025, vol. 19, no. 2, pp. 269–274. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-2-269-274>

Рассказ «Таинственные предвестия» (1885) посвящен одной из сложнейших тем в творчестве писателя, волновавших его на протяжении всего творческого пути: вера в Бога и служение Господу. Об этом роман-хроника «Соборяне» (1866), циклы «Мелочи архиерейской жизни» (1878), «Праведники» (1876–1889) и многие другие произведения. Раскрывая тему служения Богу, писатель становится одним из первопроходцев¹ в изображении жизни русского духовенства, в том числе монашества. Особый интерес он проявил к знаменитой Валаамской обители, которую посетил в 1872 году. Впечатления от поездки на Валаам нашли отражение в повести «Очарованный странник» (1872), рассказе «Павлин» (1874) и в написанном гораздо позднее рассказе «Таинственные предвестия» (1885), в котором повествуется о путешествии на «монашеские острова» представителей светской и церковной знати, приближенной к императорскому дому, с целью подготовки паломничества императора

¹ Заметим, что и историки обратились к изучению древнерусских монастырей и русского монашества только в XIX веке (Васиховская Н. С. Киево-Печерский монастырь во второй половине XI – первой половине XIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2009). Так, П. С. Казанский (1819–1878) изучал условия возникновения и истории монашества на Руси, а также историю Киево-Печерского монастыря. Историк уделил внимание изучению регламентации внутри монастырской жизни, ставя в заслугу игумену Феодосию принятие Студийского устава и организацию первого на Руси иноческого общежития. Е. Е. Голубинский (1834–1912) в фундаментальном труде «История русской церкви» (1880–1881) [1] исследовал историю возникновения древнерусских монастырей и представил краткий обзор монастырских уставов. В XX веке одной из первых попыток изучения монастырского образа жизни и быта стала книга Б. А. Романова (1889–1957) «Люди и нравы Древней Руси» (первое издание – 1947) [2]. Ученый, занимаясь исследованием быта и нравов разных социальных групп домонгольской Руси, выделил в качестве объекта изучения монашество. Особый интерес для нас представляет характеристика повседневной жизни монахов. П. С. Казанский в своем труде «История православного русского монашества, от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания Лавры Святой Троицы преподобным Сергием» рассказал об истории египетского монашества [3]. А. С. Орлов, изучал язык русских писателей, уделяя особое внимание устным элементам и их влиянию на формирование литературного языка [4].

Николая I на Валаам. Особенности интертекстового анализа посвятил главу своей монографии В. И. Тюпа [5].

Следует отметить, что масштабность и сложность поднимаемой Лесковым темы веры и служения Господу органично сочетаются в его художественных произведениях с вниманием к бытовым обстоятельствам жизни русского духовенства. Более того, бытописание, включенные в повествование о событиях, помогают писателю выразить, а читателю понять художественный замысел автора. О самобытности Н. С. Лескова пишет в своей работе И. В. Столярова [6].

Рассказ «Таинственные предвестия» является ярким подтверждением этого: создавая контраст между бытом монастыря и бытом высшего сословия, писатель раскрывает и нюансирует свое понимание истинности веры и искренности служения Богу и церкви.

Напомним, что повествование о пребывании паломников в Валаамском монастыре, включающее описание монастырского быта, предваряется рассказом об обстоятельствах, ставших причиной организации поездки на Валаам представителей высшего духовенства и светской знати, близкой к императорскому двору. В этой части рассказа Лесков уделяет существенное внимание описанию бытовой стороны жизни как церковнослужителей, так и приближенных к церкви мирян (писатель создает образы митрополита Никанора, архимандрита Аввакума, духовных лиц, а также светских лиц, близких императору – А. Н. Муравьева, А. А. Вагнера и др.). Читатель узнает не только о тайных мыслях и поступках героев, не только постигает их характеры и выясняет отношение к православной вере, но и знакомится с бытовыми условиями их жизни. Характеризуя своих персонажей, Лесков использует бытовые описания (интерьер, портрет), традиционно обстоятельные и подробные, и неизменно включающие колоритные знаковые вещные образы. Кроме того, писатель применяет также упоминание (или называние) вещей, ярко характеризующих героя. Образ вещи (предмета)

в этом случае часто воспринимается знаковым и даже «вырастает» до символа.

Так, создавая образ А. Н. Муравьева, автор рассказа использует описание внутреннего убранства его «митрополичьих покоев» и портрет героя. В интерьере «большого помещения на Троицком подворье, у Аничкина моста», в котором проживает герой, выделяются «скамьи», застланные «скатертями», что позволяет Муравьеву претенциозно назвать это помещение «боярской палатой». Вторым знаковым вещным образом становятся «портреты знакомых ему патриархов», развешанные на стенах «палаты»: гости приглашались «пить чай под патриархами»¹.

Интерьер, стилизованный под старину, воспринимается неоднозначно. С одной стороны, он свидетельствует об оригинальности героя, его приверженности русской истории. С другой, в силу некоторой «чрезмерности», – о демонстративности поведения героя, о его стремлении показать свою близость к «великим мира сего», в итоге – о неискренности и горделивости, даже чванливости персонажа. Эти черты в характере героя подчеркиваются и другими вещными образами.

А. Н. Муравьев в изображении Лескова – человек с большим самомнением: «Я вас просвещаю, а вы меня кормите. Без меня вы ничего бы не знали, а я напишу моим золотым пером, что вам нужно знать, и вы будете знать» (с. 377). «Золотое перо» – реальная вещь: известно, что золотое перо было подарено герою его почитателями, с надписью «перо Муравьева». Но в контексте фрагмента «золотое перо» воспринимается как образ-символ, характеризующий уровень писательского мастерства персонажа и содержащий высокую самооценку собственного творчества.

О склонности героя к роскоши, его сибаритстве и богатстве свидетельствует яркий вещный образ пуговиц («запон»): «Андрей Николаевич постоянно носил дома черные полукафтаны (архалуки) из шелковой материи, устроенные так, что они должны были застегиваться на пуговицы, но пуговицы к ним не пришивались, а только прометывались петли. В эти петли вставлялись запоны из драгоценных цветных камней, обде-

ланных в серебро или в золото. Пуговицы одного какого-нибудь цвета Андрею Николаевичу надевали, и он имел разные смены: яхонтовые, изумрудные, рубиновые, янтарные» (с. 378). Данное описание характерно для поэтики Лескова-бытописателя: даже в небольшом по объему рассказе он достаточно обстоятелен, описывая знаковую вещь (ср., например, образ серебряных пуговиц в рассказе «Неразменный рубль»).

Повествование о «светских всеночных» Муравьева, интерьер его «митрополичьих покоев», портрет героя, описание поведения и взаимоотношений с духовенством и окружающими, образа жизни и стиля общения вводят в рассказ тему, актуальную для Лескова в этот период творчества: высший свет и вера. Писатель изображает представителей высшей знати «ханжливыми», неискренними, суетно гордящимися своей близостью к высшим церковным иерархам [7, с. 42].

В «Таинственных предвестиях» характеристика бытовой стороны жизни знатных героев не только способствует выявлению авторской позиции и раскрытию характеров и умозрения персонажей, но и имеет дополнительную функцию. Роскошь, богатство, бытовой комфорт высшего света и духовенства резко контрастны простоте, неприязательности, строгости и даже бедности монастырского быта, конкретно-бытовой жизни Валаамского монастыря. Таким образом, создается литературный портрет героя. Подробнее об этом пишет в своем труде М. Г. Уртминцева². Но в первую очередь, автор создает общее представление об обители, хозяйственной деятельности валаамских монахов. Для этого приведено высказывание графа Протасова: «...со стороны красот ее островного местоположения, аскетического благочестия ее обитателей, их превосходных хозяйственных учреждений и необыкновенных успехов их в садоводстве и огородничестве, причем было что-то говорено и о винограде» (с. 370). Островное расположение обители было необыкновенно живописным.

Монахи и священнослужители, учитывая особые климатические условия Валаамского архипелага, занимались разведением садов, выращиванием диковинных для севера культур, в том

¹ Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Правда, 1989. Т. 7. 474 с. С. 376. Далее ссылки в тексте на это издание будут даны в круглых скобках с указанием страницы.

² Уртминцева М. Г. Жанр литературного портрета в русской литературе второй половины XIX века: генезис, поэтика, типология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 36 с.

числе винограда. Труд монахов был нелегким и затратным (по всем параметрам), поскольку на острове была каменистая почва, которая требовала огромных усилий для обработки: «Валаамская братия была более чем когда-нибудь усиленно погружена в деятельность, которую можно было замечать далеко с моря» (с. 391).

Повседневная трудническая жизнь монахов Валаамского монастыря – сельскохозяйственная деятельность. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о вещно-предметной стороне трудовой жизни монахов. Лесков упоминает вещные образы, обращая внимание на конкретный вид деятельности монахов и послушников: «Прежде чем нога путника становилась на берег, он видел, что зеленые острова усеяны иноками и послушниками в их белых холщовых кафтанах и таких же колпачках, и все они, не покладая рук, «ворошили» и гребли свежее, скошенное сено. При приближении частного парохода, они было остановились, опершись на свои вилы и грабли, но точно получили издали условный, побудительный знак и опять продолжали работать» (с. 391). Косвенно упомянуты косы (скошенное сено). Тут же описана простая рабочая одежда трудников.

Помимо крестьянского труда, в монастыре важное место занимало духовное трудничество: службы, моления. Лесков достаточно подробно перечисляет вещные атрибуты этой стороны монастырского повседневного быта. В третьей главе рассказа есть отрывок, посвященный описанию пребывания на Валааме государя Александра Павловича. В отрывке упоминается одежда священнослужителей – риза с крестом, стихарь: «Взойдя в собор, государь стал посредине церкви, игумен был в ризе и с крестом, а иеродиакон в стихаре» (с. 373). Подобная одежда была и остается социокультурным символом православного духовенства. Помимо ризы, креста, стихаря, в рассказе упоминаются другие атрибуты священнослужительского сана: нагрудный крест, митра, посох, трикирий и дикирий, диаконский стихарь, епитрахиль: так, описывая совершаемую на пароходе службу, автор упоминает епитрахиль («... и в одну минуту достал и подал где-то близко у него под рукою лежавшую епитрахиль Брянчанинову» (с. 389)). Епитрахиль в православной церкви – одеяние священника, символизирующее благодать, дающее ему право быть служителем и совершителем таинств церкви и

всего дела священства. Без епитрахили священник не может совершать ни одной службы. Таким образом, совершаемая на пароходе служба приобретает статус действительной и действенной.

В тексте рассказа отсутствуют обширные описания помещений монастыря. О внутренних помещениях Валаамского монастыря читатель может составить представление по нескольким коротким отрывкам из текста: «На Валаам артисты прибыли за час или за полтора ранее прихода эскадры митрополита. Над артистами здесь шутили, что они, вероятно, пошли вперед, чтобы известить иноков о приближении именитого гостя, или поспешили, чтобы занять под себя помещения, а свиту владыки оставить без крова» (с. 390).

В рассказе образ храма заменяется образом храма-парохода, названным во время проведения на нем всенощной «нерукотворным храмом», что вполне соответствует представлению верующего христианина о том, что вся вселенная является храмом Божиим, и в этот мирообъемлющий храм должно войти все человечество, ангелы и низшая тварь. Благодаря образу храма-парохода в повествовании присутствуют символические образы и мотивы, соотносимые с храмовой (церковной) символикой. Например, купол над храмом – символ свода небесного, который покрывает землю, материализуется в образе «открытого купола», очерченного движением солнца и луны.

Вещный мир рассказа Н. С. Лескова «Таинственные предвестия» включает также упоминания святынь, лаврских записей и исторических справок, книг: «высокопреосвященный Никанор обратился к лаврским записям и к старым инокам лавры за справками» (с. 371).

Подводя итоги, отметим, что рассказ «Таинственные предвестия» не является этнографической или историко-архивной зарисовкой Лескова о Валааме. Монастырский быт описывается свернуто, маркируется определенным комплексом вещей, в первую очередь, различными атрибутами священнослужительского сана (например, игуменская риза и нагрудный крест, митра, посох, трикирий и дикирий, диаконский стихарь, епитрахиль).

Указания на виды деятельности монахов, некоторые упоминания их одежды, питания, исполнения служебных треб создают представление о скромной трудовой и подвижнической жизни валаамских монахов [8].

Быт монастыря типичен, с одной стороны, с другой – необычен для этого северного монастыря, что обусловлено его местоположением и не характерными для региона занятиями монахов, например, садоводством.

Образ монастырского быта создается Лесковым благодаря упоминаниям типичных бытовых вещей (вилы и грабли), используемых монахами в своей деятельности, и их одежды (белые холщовые кафтаны и такие же колпачки). Упомянутые вещи позволяют читателю представить быт и внешний облик монахов Валаамского монастыря.

Образы вещей, характеризующие монашеский быт, можно разделить на две группы: вещи, предназначенные для совершения служб, и образы, необходимые в обиходе, связанные с труднической жизнью монахов.

Отдельную группу составляют образы вещей, представляющих быт высшего духовенства и близких к ним лиц.

Поэтика вещного мира в рассказе «Таинственные предвестия» типична для писательской манеры Лескова. Об этом упоминает Г. В. Мосалева в своем труде «Поэтика Н. С. Лескова» [9]. При изображении монастырского быта она характеризуется лаконичностью, достигаемой упоминаниями и краткими описаниями, формированием «опосредованных» образов вещей через указания на занятия монахов. Это традиционные приемы, используемые Лесковым при создании того или иного сословного образа вещного мира. При этом для обозначения авторской позиции и создания яркого характера персонажа Лесков допускает использование в небольшом по объему тексте рассказа достаточно обширных и обстоятельных описаний, а также вещных образов-символов. Актуален в лесковской поэтике вещного мира принцип контраста (противопоставления), применение которого полно раскрывает художественный замысел писателя.

1. Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1997. Т. 1. Ч. 2. 968 с.
2. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М., 1966. 242 с.
3. Казанский П. С. История православного русского монашества, от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания Лавры Святой Троицы преподобным Сергием. М., 1855. 205 с.
4. Орлов А. С. Язык русских писателей. М.; Л., 1948. 192 с.
5. Тюпа В. И. Интертекстовый анализ // Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. 336 с.
6. Столярова И. В. В поисках идеала (Творчество Н. С. Лескова). Л., 1978. 231 с.
7. Старыгина Н. Н. Человек верующий: автор и персонажи в цикле Н. С. Лескова «Рассказы ксати» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 10. С. 34–44. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17940981> (дата обращения: 10.01.2025).
8. Старыгина Н. Н. «Живой дух веры» // Литература. 1996. № 2. С. 10–11.
9. Мосалева Г. В. Поэтика Н. С. Лескова. Ижевск, 1993. 108 с.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.05.2025 г.; принята к публикации 17.06.2025 г.

Об авторах

Старыгина Наталья Николаевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), starigina@yandex.ru

Давыдова Ирина Константиновна

кандидат филологических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин и методики их преподавания, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), irina220890@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Golubinsky E. E. Istoriya russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. M., 1997, vol. 1, part. 2, 968 p. (In Russ.).
2. Romanov B. A. Lyudi i nrawy Drevnei Rusi. Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv. [People and manners of Ancient Russia. Historical and everyday sketches XI–XIII centuries]. M., 1966, 242 p. (In Russ.).

3. Kazansky P. S. Istoriya pravoslavnogo russkogo monashestva, ot osnovaniya Pecherskoi obiteli prepodobnym Antoniem do osnovaniya Lavry Svyatoi Troitsy prepodobnym Sergiem [History of Orthodox Russian monasticism, from the founding of the Pechersk Monastery by the Reverend Anthony to the founding of the Lavra of the Holy Trinity by the Reverend Sergius]. M., 1855, 205 p. (In Russ.).
4. Orlov A. S. Yazyk russkikh pisatelei [Language of Russian writers] M.; L., 1948, 192 p. (In Russ.).
5. Tyupa V. I. Intertekstovyy analiz [Intertextual analysis]. *Analiz khudozhestvennogo teksta* = Analysis of the artistic text. M., Academy Publ., 2009, 336 p. (In Russ.).
6. Stolyarova I. V. V poiskakh ideala (Tvorchestvo N. S. Leskova) [In search of the ideal (Creativity of N. S. Leskov)]. L., 1978, 231 p. (In Russ.).
7. Starygina N. N. Chelovek veruyushchii: avtor i personazhi v tsikle N. S. Leskova "Rasskazy kstati" [A believer: the author and characters in the cycle of N. S. Leskov "Stories by the Way"]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University, 2009, no. 10, pp. 34–44. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17940981> (accessed 10.01.2025). (In Russ.).
8. Starygina N. N. "Zhivoi dukh very" ["The Living Spirit of Faith"]. *Literatura* = Literature, 1996, no. 2, pp. 10–11. (In Russ.).
9. Mosaleva G. V. Poetika N. S. Leskova [Poetics N. S. Leskova]. Izhevsk, 1993, 108 p. (In Russ.).

The article was submitted 14.04.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 17.06.2025.

About the authors

Natalya N. Starygina

Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), starigina@yandex.ru

Irina K. Davydova

Ph. D. (Philology), Associate Professor of the Department of General Educational Disciplines and Methods of Teaching Them, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), irina220890@mail.ru

All authors have read and approved the final manuscript.